

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
& АВАНГАРД

Ежеквартальный журнал
художественной
литературы

Издаётся с 2018 года

№ 2 (25) 2025 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т65

ПРАВА

ТРАДИЦИИ
& АВАНГАРД

Журнал «Традиции & Авангард» № 2 (25) 2025. — Москва:
Интернациональный Союз писателей, 2025. — 196 с.

ISBN 978-5-6054853-7-7

У нового номера журнала «Традиции & Авангард» особый настрой и тональность.

В трудное для людей время и литературе тоже нелегко. Убаюкивать, заглушая тревожный шум реальности, нельзя. Выделить сухую правду, в которой не останется ни капли ободрения для читателя, — тем более.

Поэтому литература живёт на грани, фиксируя важное именно так, как это всего необходимее.

Не розовые очки и не чёрные, даже не простое стекло, а чёткая проекция, на которой можно выделить самое главное. Не колыбельная и не репортаж, а живой и ясный разговор о самом главном. То, что нужно, чтобы сохранить память и не потерять опору.

Читайте — и убедитесь.

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
Делаем преимущества
очевидными

© Интернациональный Союз писателей, 2025
© Галина Березина, 2025
© Даниэль Орлов, 2025
© Арсений Ли, дизайн, 2025
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 4

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Андрей Сизых. Новые и неизданные. Стихи 6

Дмитрий Филиппов. Бабай. Рассказ 16

Алексей Куренёв. Галилея. Рассказ 22

Кристина Денисенко. Подборка стихов. Стихи 26

Наталья Шухно. Подборка стихов. Стихи 34

Анаит Григорян. Родная речь. Рассказ 40

Герман Титов. Подборка стихов. Стихи 49

Олег Дарк. Восемь рассказов. Рассказы 57

Света Литвак. Подборка стихов. Стихи 75

Ольга Ерёмина. Дрова. Рассказ 82

Галия Мавлютова. Монгольская сага. Лицом к лицу. Рассказы 98

Анатолий Козлов. Над полем. Рассказ 113

Динара Керимова. Подборка стихов. Стихи 117

Константин Леушин. Сын родился. Рассказ 123

Алексей Яковлев. Подборка стихов. Стихи 135

Сергей Вараксин. Течёт река. Рассказ 140

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, ОЧЕРК

Иван Образцов. Духовно-интеллектуальный свинопольс. Статья 145

Андрей Кашкаров. Актуальность творчества Сухова-Кобылина. Статья 156

Александр Евсюков. Это и есть любовь. Статья 165

Нина Ищенко. Степной Лавкрафт. Статья 179

ОТ РЕДАКТОРА

Если что и проращён в полях, сожжённых войной, точно не злаки. Будет ли это горькая полынь отчаяния или сорная трава обиды? Чего ждать от нашей земли, вдоволь удобренной мазутом и кровью, если не поить её надеждой, если и правда каждому даётся по вере его? Во что верили мы все эти годы? Кому кланялись? В том Феврале выходили в это поле, слабы, растерянны и разобщены. Спеклись ли за три с половиной года вновь в единый народ, как после той войны? Превратились ли бурые камни руды в металл, из которого можно сковать плуг, чтобы вспахать вечность? А если нет, то как тогда?

Вспаханное войной время должно засеять, и только идеи дают устойчивые всходы. Тогда лишь сыт сам, когда прежде накормишь мир. Единожды надежды человечества мы уже предали, прельщённые блеском золота дураков. Мир не понимает, можно ли верить нам снова, знаем ли путь. Обидно? Не то слово! Сегодня — традиционные ценности и суверенность, а что завтра? «Нефть в обмен на продовольствие»? О да, у этой чёрной крови планеты резус-фактор меняется на биржах по несколько раз на день.

Да что там мир — сами же в собственное мессианство верим с трудом. Проходя переулками обеих столиц, украшенными гирляндами мишуры, читая новости в Сети, листая форумы и ветки комментариев к постам «видящих», крепнем лишь в сомнениях, от которых до греха отчаяния лишь шаг. Может быть, с такой тесной близости нам просто не различить большого? Хорошо бы так.

Кто подскажет? Кто вразумит? Деятнадцатый и двадцатый века черпали силу и правду в литературе. Есть ли сейчас у русской литературы возможность стать опорой нации? Нынешние литераторы тонут в суете публицистики, очеркушках в блогах,

пустой полемике в комментариях, где тиражируется банальность общих мест, где царит пошлость чванства и самолюбования.

Меня одновременно обескураживало и забавило, насколько публицистические высказывания современных писателей зачастую противоречат их же литературе. В прозе — деликатность и прощение, в публицистике — бесцеремонность и безапелляционность приговоров. В стихах — высокая частота любви, в статьях — почти инфразвук ненависти. Словно бы писали это разные люди.

«Ха-ха! — скажут мне. — Это ты ещё с художниками да композиторами не разговаривал». Но тому есть объяснение. Если публицистика строится на логике, на анализе фактов, то искусство, литература, а особенно поэзия как высшая форма абстракции — это интерпретация синтетического интуитивного знания, того, что люди задолго до нас называли откровением. Откровение не имеет авторства, его автор тот, у кого лик един, а Имён не счесть. Оттого и задача художника — передать услышанное эхо гласа Горнего мира как можно точнее, как можно понятнее. Искусство — всегда перевод с Божьего на человеческий. Отсюда столь прост способ отличить искусство от ремесленничества: передалось воодушевление и желание созидать — значит, искусство. Пожалуй, и всё отличие. Творческий порыв, вдохновение — как состояние сверхпроводимости. Это когда то, что выглядело как чурбан, вело себя как чурбан и собиралось сгнить чурбаном, вдруг потянулось новыми ростками к небу. И вот уже шелест листьев и спасительная тень для путника.

Литература на «ать-два» не становится искусством. Мало темы и формы, мало мастерства и желания, не хватит лишь и одной уверенности в правоте или патетического гражданского горения. Должно свершиться таинству, почти метафизическому превращению нефти человеческого опыта в чистое электричество. Поэтому и редки вспышки света. Потому и вредно называть искусством то, что им не является. Потому и грех выдавать плевелы за зёрна. Плевелы, шелуха всходов на мазуте и крови не дадут, а наша земля не накормит ни нас, ни тем более остальной мир. Пусть лишь живое рождает живое, а остальному — тлен. Мы тоже не без греха. Но мы стараемся. Осознаём своё ничтожество и тянемся к свету. Это если «по чесноку».

*Практически всегда ваш
Даниэль Орлов,
пока ещё главный редактор*

НОВЫЕ И НЕИЗДАННЫЕ

СТИХИ

Андрей СИЗЫХ

Родился 4 августа 1967 года в г. Бодайбо Иркутской области. Окончил Иркутский государственный педагогический институт, исторический факультет. С 2012 года президент культурно-просветительского фонда «Байкальский культурный слой». Лауреат премии журнала «Футурум АРТ», финалист и дипломант Первого открытого чемпионата Балтии по русской поэзии, шорт-лист Григорьевской премии, шорт-лист премии «Московский счёт». Более десяти лет был организатором Международного фестиваля поэзии на Байкале им. А. Кобенкова.

Автор книг стихов «Интонации» (2009), «Аскорбиновые Сумерки» (2011), «Икра летучей рыбы» (2015), «Габаритные огни» (2016), «Полёт камбалы» (2018), «Багажная касса» (2022), «Весы времени» (2024). Публиковался в журналах Terra Nova, «Идель», «Сибирские огни», «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер», «Крещатик», «Плавучий мост», «Звезда», «Сибирь», «Алтай» и других. Состоит в Союзе российских писателей (СРП) и в Русском ПЕН-центре. Живёт в Иркутске.

Афродизиак

Калипсо, дочь Атланта и Плейоны,
Не так пленит скитальцев и бродяг,
Как яд Эвтерпы. Счёт на миллионы
Вкусивших рифмы афродизиак.
О грешники — герои и профаны,
Рабы бессмысленных и хладнокровных букв!
Себе самим наносите вы раны,
Впечатывая строчки в ноутбук
Или скрипя, как в старину седую,
Стальным пером по писчему листу, —

Подобно самохвалу ветродую,
Впустую гимн поёте колдовству,
Бесплотной деве — престарелой музе.
Слова произнесённые мертвы!
Как однодневки-мотыльки — иллюзий
Недолговечных памятники вы.
Тщеславные творцы мертворождённых,
Живущие с обманом во грехе.
Вас слава призрачная, словно заклеянных,
Приковывает к творческой сохе.

В Потсдаме пасмурно и душно,
А в Трептов-парке тишина.
И только чей-то змей воздушный
Летит в другие времена —
В Берлин, где посреди развалин
Полощет ветер красный стяг.
Где с транспаранта смотрит Сталин
(Закрыв собою вход в Рейхстаг)
Туда, где девочку от пули
Спас русской гвардии сержант —
Он и поныне в карауле,
И меч в его ладони сжат.
И словно кадр из старых съёмок:
Сегодня в русском городке
Фашистов бьёт его потомок
С мечом карающим в руке.
А в парк, что возле тихой Шпрее,
С цветами в майский день придут
Славяне, немцы и евреи,
Чтоб поклониться павшим тут.

Тени

Тенью пройду между старых домов —
Серых панельных и чёрных сосновых,
Где в переулках забытых годов
Редко встречаешь товарищей новых,
А вспоминая былые пути,
Стёжки-дорожки, проходы-тропинки,
Время — рассыпанное конфетти —
Чаще приводит меня на поминки,
Чем на пирушки студенческих лет,
Где и друзья молодые, и сам я

Юным подружкам изысканный бред
Нежно шептали. И только касанья
Нам позволяли они иногда
Рук их горячих и щёк их горящих.
Всё это было когда-то, когда
Мы не скрывали ни чувств настоящих,
Ни восхищенья невинностью их,
Ни мимолётности очарованья,
Ни откровенных желаний своих
После единственного свиданья.
Всё это тени! И я средь теней
Тенью брожу, беспокоя прохожих.
Память мне пишет на каждой стене
Столбики слов, на поэму похожих.

Памяти Лады Пузыревской

Что спасает от боли, когда вдруг умирает друг?
Путь человека тяжёл и тернист, но совсем не долгов.
Память хранит все познания крепкие тёплых рук,
Боль и улыбки того, кто для нас был и мил, и дорог
В сутолоке, в беспокойствии наших бегущих дней,
В том, что зовём иногда мы судьбою своею и Летой.
В ежедневном безмолвном, бескровном сражении с ней
Не бывает героев, и, как всегда, недопетой
Остаётся строка главной саги про жизненный путь —
Где-то яркой, а где-то немного наивной, банальной.
Чтобы друг спел её и взгрустнулось ему чуть-чуть
О былых временах в этой песне его поминальной.

18.05.2025

Небо — синяя птица — зоб полощет зарёй,
Из облаков лохматых гнездо над планетой вьёт.
Если кошмар приснится, в землю его зарой,
И если тебе не спится, отправляйся в полёт
Над тихой ещё до срока землёю своих скорбей
И радости безотчётной, где жил ты и счастья ждал.
Лети, как с ладошки детской летит в никуда воробей,
И вести неси благие всем тем, кто, как ты, не спал
В прошедшую ночь тревоги и смуты, когда весна
Безгреховно родится зелёной листвою и травой,
Когда прорастают навстречу новой заре семена
Цветов прошлогодних и злаков, как на востоке искрой
Прорастает Светило, даря безвозмездно тепло.

Лети в долгожданные дали — туда, где сбывается сон.
Всё, что с тобою было, никуда от тебя не ушло,
И ты, растворяясь в небе, живи до конца времён.

Стрижи прилетели, и сердце поёт,
Когда наблюдаешь их быстрый полёт —
Как будто сам Бог открывает кавычки,
Где лето распишет стрижей переклички
Крылатыми знаками радостных нот.

22.05.2025

Настанет время

Настанет время — снова сядем рядом
Кропить дешёвой водкой разговор.
Нас дружно будет память лихорадить
И уводить из радости в минор.
Мы выбрали такой детерминизм,
Такую бешеную, с ямами стезю,
Такую сросшуюся с терниями жизнь,
Что пей — не пей, а ни в одном глазу.
А позже заварганим чай обычный —
Портяночный, грузинский в доску чай,
Теперь надолго ставший заграничным,
Чтоб под чифирь немного помолчать.
Про наших вспомнить. И не наших тоже.
Одних уж нет... Но мы ещё живём —
Родные же до слёз нестыдных рожи
Из края дикого, богатого рыжьём*.
Судьба — не фильм про «Золото Маккенны»!
Нас породили дикие места —
В притоках драгоценных речки Лены
Мы родились свободу отыскать.
Мы до сих пор не трусим и не верим.
Просить о чём-то? Да помилуй Бог!
Но истину единой мерой мерим —
Родным до боли словом — Бодайбо.
Настанет время — а оно настанет! —
Мы снова будем вместе песни петь.
Те, что хранить не перестанет память,
Пока всех нас не одолеет смерть.

2006–2025 гг.

* Рыжьё — золото. — Прим. авт.

Ни о чём и обо всём, или Стихи во время прогулки

Сибирская в прострации весна
То снегом сыпала, то вдруг зазеленела.
Жарой сменились дни легко и смело.
Однако ночи холодны весьма.
Как, впрочем, и всегда в краю бурлящих рек
И северного озера, что морем
Зовёт здесь каждый местный человек.
И я, тому не прекословя, вторя,
Снимаю шляпу пред скоплением вод.
Живу я здесь уже который год —
От юности далёкой до седин.
И вроде семьянин, но всё один
Брожу обычно, очень не спеша,
По городу губернскому, дыша
То свежим ветром, с моря налетевшим,
То копотью печных и прочих труб —
Фабричных, выхлопных. А проще — вешним
Я воздухом дышу, и он мне люб.
Ну что же, этот мой анжамбеман*,
Как город наш — конечно, не фонтан.
Зато фонтан есть в центре городском!
Есть церкви милые, гостиные дворы,
Но если честно, то грязней дыры
Я не встречал нигде в рассеянье людском.
И при царях богат был город мой.
Когда-то на пропой давали золотой
Извозчику матёрые купцы
И городка всесильные отцы
На Пасху не скупились. Всем владея,
Они, как правило, все были иудеи,
Но выкресты. Настроили дворцы
Себе, больницы разным людям бедным,
Гимназии, доходные дома,
Но грязен город был ещё при них весьма
И на события, как и сейчас, был бледным.
Ну, что-то мысль моя течёт, как мышь** по древу...
А надо бы сказать о прочих пустяках.
Впустил бы я в стихи свои рассказ про деву
Прекрасную, о Колчаке и о большевиках,
Но ноги путника-поэта не внимают

* Анжамбеман (от франц. enjambement — «перешагивать», «перепрыгивать») — перенос части фразы с одной строки на другую, вызванный несовпадением интонационно-синтаксической связи с метрическим рядом. — *Прим. ред.*

** Мышь — устаревшее региональное слово, означающее белку. — *Прим. ред.*